

Рашильд

Собрание сочинений

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Р28

Р28 **Рашильд**
Собрание сочинений: Том 1 / Рашильд – М.: Книга по Требованию, 2022. –
248 с.

ISBN 978-5-519-80407-3

ISBN 978-5-519-80407-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

„БАШНЯ ЛЮБВИ“.

I.

Уже въ третій разъ вызывало меня начальство. Когда я явился въ Управление Порта то меня почти сейчасъ же ввели въ контору, не заставляя долго ждать на этихъ проклятыхъ скамьяхъ, о которыхъ моя спина, кажется, никогда не забудеть.

Я, какъ сейчасъ, вижу эту комнату, окрашенную въ желтый цвѣтъ, полную большихъ „говяжьихъ“ мухъ, жужжащихъ надъ чернильницами. Въ ней было жарко несмотря на открытое окно, черезъ которое виднѣлась гавань со всѣми судами, переваливавшимися съ бока на бокъ, точно утки, благодаря сильному западному вѣтру.

Въ конторѣ находилось двое господъ: одинъ сухощавый и маленькій, другой короткій и толстый.

Шапка на короткомъ толстякѣ была вся расшита галунами.

Худощавый разглядывалъ свои ногти.

Молча перебирали они какія-то бумаги и рассматривали меня исподлобья, какъ осматриваютъ бочки, чтобы узнать нѣтъ ли течи.

Я стоялъ передъ ними, вытянувшись.

Мнѣ было страшно.

Точно въ день отплыва въ мое первое плаваніе.

Я не могъ оторвать глазъ отъ моихъ сапогъ, только что наваканныхъ, которые, однако, уже давно просили наши. Къ счастью, эти господа должны были

получить хорошее впечатлѣніе отъ моего костюма. На мнѣ была новая непромокаемая форменная коричневая куртка, вся блестящая, холщевые штаны, обшитые внизу кожей и я, только что купилъ на базарѣ въ Брестѣ прекрасный синій беретъ съ помпономъ—широкимъ и толстымъ какъ капуста.

Они перелистываютъ, перелистываютъ бумаги, а я верчу, верчу свой беретъ... Это могло бы продолжаться очень долго, какъ вдругъ короткій толстякъ, тотъ, который былъ больше обшить галунами, главный въ конторѣ, спросилъ меня:

— Это ты—Жанъ Малэ?

— Такъ точно! Это именно я! отвѣтилъ я очень вѣжливо, такъ какъ прекрасно соображалъ, что нельзя разговаривать какъ попало въ этой офицерской каютѣ.

— Мы выбрали васъ, молодой человекъ изъ десяти кандидатовъ и надѣмся, что намъ не придется раскаяваться въ этомъ выборѣ.

— Вы назначены на *Арз-Менз*.

„А! Такъ это изъ-за *Арз-Менз*!“—Я вздохнулъ съ облегченіемъ, точно съ моей груди свалилась тяжесть. Я совсѣмъ не зналъ, что меня ожидало въ этой конторѣ. Счастливый исходъ моего дѣла привелъ меня въ такой восторгъ, что я готовъ былъ начать танцевать джигу передъ этими важными господами. Кончены годы обученія, будетъ трепаться по волнамъ! Мы назначены теперь на государственную должность, на очень почтенную службу, гдѣ будетъ спокойно и гдѣ будешь самъ себѣ хозяиномъ.

— Вы очень молоды,—замѣтилъ маленькій сухощавый,—вамъ еще нѣтъ тридцати лѣтъ.

Онъ гладилъ бороду и все время разглядывалъ свои ногти; можно было подумать, что онъ ищетъ у себя вшей.

— Я постараюсь состариться,—отвѣтилъ я, улыбаясь.

— На *Арз-Менз* старятся даже черезъ-чуръ быстро,—сказалъ главный въ галунахъ. Онъ не улыбался, должно быть потому, что зналъ что говорилъ. Мы васъ выбрали только изъ-за того—*другого*, который ослабѣваетъ тамъ. Несмотря на свою опытность онъ нуждается въ какомъ-нибудь молодомъ парнѣ для подкрѣпленія. *Арз-Менз* снабжаютъ продовольствіемъ съ материка. Вы это, голубчикъ, знали?

Я зналъ только одно, что я страшно доволенъ.

— О!—отвѣтилъ я учтиво,—сидѣть посреди моря неподвижно или болтаться вдоль его, все равно приходится литаться сухарями да солониной. Я не боюсь ни работы, ни лишеній, мнѣ таки пришлось ихъ испытать не мало.

— Вы были механикомъ на пароходѣ, которымъ командовалъ капитанъ Дартичъ во время его экспедиціи на востокъ?

— Точно такъ.

И я сталъ во фронтъ.

Онъ просматривалъ мои личные бумаги. Я узналъ въ его рукахъ свой школьный аттестатъ и свидѣтельство моего послѣдняго плаванія.

— У васъ, кажется, не особенно хорошій характеръ?

„Ну! Такъ и есть... это моя ссора со вторымъ машинистомъ, въ тотъ знаменитый день, когда я былъ пьянъ, какъ стелька. Подумать только: за одинъ пьяный день тебя упрекаютъ всю жизнь!

— Весьма возможно, *господинъ капитанъ*, когда я немного выпью. Впрочемъ, дѣло не пошло дальше удара линькомъ. Товарищъ призналъ, что онъ былъ такъ же пьянъ, какъ и я. Мы возвращались издалека и, чортъ возьми, вы понимаете, господинъ капитанъ, отправились къ дѣвочкамъ. А это, не въ обиду вамъ будь сказано, всегда кой-гдѣ подогрѣваетъ.

Я таки посидѣлъ въ тюрьмѣ, больше чѣмъ за-служилъ; и, тотчасъ же прикусивъ язычекъ, прибавилъ: впрочемъ, чего тамъ, такъ и надо было.

Ладно, ладно,—замѣтилъ маленькій сухощавый.— Вотъ ваши бумаги. Онъ въ порядкѣ. Вы отправитесь на вашъ постъ затра. Кстати, на счетъ того, кого вы замѣщаете, компаньона стараго Матурена Барнабаса, онъ умеръ... *несчастный случай*. Пришлось произвести небольшое разслѣдованіе, но старикъ вышелъ изъ него съ честью. Онъ славный малый, я вамъ говорю это, чтобы вы знали. Смотрите, никакихъ намековъ на... *несчастный случай*!

— Очень вамъ благодаренъ,—отвѣтилъ я смущенно.

Не трудно повѣрить, что я совершенно ничего не понималъ. Наконецъ, какое мнѣ дѣло до ихъ неурядицъ съ этимъ старикомъ? Я только что вернулся изъ китайскихъ водъ и моимъ главнымъ желаніемъ было не болтаться больше въ каботажномъ плаваніи. Я вдосталь начихался въ ихъ угольномъ трюмѣ въ теченіе семи лѣтъ. Пришло мое время пустить корни на *твердомъ морѣ*.

Ахъ, чортъ возьми меня совсѣмъ! Пусть повѣсятъ меня на любой мачтѣ того самого карабля, на которомъ я возился съ машинами...

Затѣмъ мнѣ сообщили сколько я буду получать.

Недурная сумма за такую работу! Это должно бы было привлечь мое вниманіе... Мнѣ предписываютъ запаковать мой узелъ съ вещами такъ, какъ будто придется нырять вмѣстѣ съ нимъ, и быть готовымъ завтра ко второй пушкѣ.

Маленькій сухощавый замѣтилъ ласковымъ тономъ, въ которомъ чувствовалась угроза:

— Смотрите, мой милый, чтобы не было никакихъ ссоръ и исторій изъ-за бабъ. Намъ нужны серьезные люди, *настолько испытанные жизнью, чтобы не жалеть о ней.* Вѣдь вы ясно сознаете всю вашу отвѣтственность, не правда ли?

„Сознаете отвѣтственность!“

Да я никогда съ самаго моего рожденія на свѣтъ Божій и не думалъ объ этомъ. Всѣ эти совѣты и пустяковые заботы господъ начальниковъ начали мнѣ уже надоедать. Точно жужжаніе говяжей мухи! Меня стало отъ нихъ клонить ко сну. Однако, я, кажется, не былъ похожъ на молоденькую барышню, нуждающуюся въ разныхъ совѣтахъ. Они, кромѣ того, замѣтили мнѣ, что я получилъ извѣстную привилегію, что они меня выбрали изъ цѣлой кучи—десятка другихъ, благодаря моей рожѣ, недурной рожѣ старой совы. Я грустенъ съ лица и худъ тѣломъ, какъ всѣ машинисты, высушенные огненнымъ вѣтромъ топки. Мнѣ нечего было жалѣть и не съ кѣмъ было разставаться, объ этомъ, впрочемъ, не трудно было догадаться.

Но лучше всего оказался главный. Указывая мнѣ въ какую дверь выйти, онъ похлопалъ меня по плечу и вымолвилъ тихимъ голосомъ, точно вознося молитвы за умирающаго:

— Не падайте духомъ, молодой человѣкъ, пом-

ните, что въ вашихъ рукахъ находятся теперь судьбы большихъ кораблей.

Мнѣ хотѣлось ему отвѣтить:

— И маленькихъ также, господинъ капитанъ.

Но я стремился показать, что получилъ извѣстное воспитаніе и, пятась задомъ, съ низко опущеннымъ беретомъ, сказалъ:

— Ладно, что ужъ тамъ, лицомъ въ грязь не ударимъ.

Отступать было нельзя, такъ какъ въ этой части морской службы шутить не любятъ. Разъ ты сюда попалъ, тутъ тебѣ и оставаться. И нечего потомъ рассказывать, что у тебя съ души воротить.

— Готовься-ка въ дорогу, Жанъ Малэ, говорилъ я самъ себѣ,—это твоя судьба. Все по-боку, пока они тебя не отставятъ—вотъ планъ. Двадцать пять лѣтъ службы, это ужъ не такъ страшно для того, кто изнѣженъ работой, вроде меня. Никакого начальства за спиной, полная свобода и этотъ старый волкъ, который, конечно, не проглотитъ меня, такъ какъ я буду его клюкой въ старости. Въ дорогу, парень! Жанъ, ты родился въ рубашкѣ.

Я нисколько не сомнѣвался въ своемъ счастьѣ, о, нѣтъ!

На другой день дулъ небольшой вѣтерокъ, гораздо слабѣе вчерашняго; море было точно подернуто масломъ.

Пароходъ отошелъ.

Мы отправлялись изъ Бреста „снабжать припасами“ *Арз-Менз* на небольшомъ береговомъ суднѣ „*Святой Христофоръ*“, который замѣнилъ „*Георги-Альфреда*“, недавно испортившагося. Испортился онъ, конечно, не въ томъ смыслѣ какъ портится женское

платье, забрызганное грязью или разорванное какимъ-нибудь неловкимъ, наступившимъ на подолъ... Это означаетъ, что, полавъ на скалу, пароходъ переломился на двѣ части и погибъ съ командой...

Въ ночь передъ отъѣздомъ я шатался по улицамъ порта, раздумывая о томъ, что мнѣ даже нельзя засвидѣтельствовать свое почтеніе прекрасному полу, такъ какъ мой послѣдній сантимъ уплылъ на покупку новаго берета. Это наводило на меня грусть, и я, по рекомендаціи моего начальства, принялся потуже затягивать свой узелъ, какъ иногда приходится перетягивать животъ.

Капитанъ *Святою Хриstoffора* заставилъ меня смѣрить глубину нѣсколькихъ исписанныхъ бумажекъ и поскрести перомъ въ двухъ или трехъ мѣстахъ.

Затѣмъ, догадавшись по моей физиономіи, что я недурно знаю обычаи машиннаго отдѣленія, отправилъ меня помогать механикамъ.

— Да, братецъ, я и спущусь туда... Но только не надолго. Съ меня достаточно вашего угля. Я собираюсь устроиться въ настоящемъ домѣ, и очень скоро... на твердой землѣ, откуда мнѣ будетъ видно, какъ танцуютъ ваши отвратительныя орѣховыя скорлупки.

Я всю жизнь мечталъ стать хозяиномъ одной изъ этихъ прекрасныхъ башенъ, принадлежащихъ государству, и вотъ эта честь приплыла мнѣ прямо въ руки. Какая честь!.. Они поймали меня въ сѣтку, какъ какую-нибудь морскую свинью... Мелкое честолюбіе!.. Ну, и глупъ же я былъ!

Теперь мой умъ и мой разумокъ снова вернулись ко мнѣ и даже настолько, что я совсѣмъ рех-

нулся, но все это уже больше ни къ чему... Слишкомъ поздно.

Черезъ иллюминаторъ угольного трюма была видна только вода, но я зналъ на память всѣ эти мѣста. Чтобы добраться до *Арз-Менз* мимо Сень и Понъ-де-Сень, мы держали направленіе на Капуцинье и Тевенекъ.

Главный механикъ, славный парень, протянулъ мнѣ фляжку съ англійской водкой. Я забылъ поѣсть, и меня отъ этого напитка стало покачивать.

Здѣсь внизу, *у себя*, я старался нагнать потерянное время и, поливая, попытался было заставить разговориться своего товарища.

— Ты какъ, на испытаніе? Или уже назначенъ окончательно,—спросилъ онъ меня, опершись подбородкомъ на угольную лопату?

— Испытаніе мое, благодаря Богу, окончено, товарищъ. Опытности у меня достаточно, и я отправляюсь туда, я надѣюсь, на всю мою жизнь.

Онъ отвѣтилъ мнѣ на это очень задумчивымъ: „А-а!“

И я больше не слышалъ звука его голоса.

За то я выболталъ весь мой хмѣль. Я хвастался своимъ узелкомъ, привязаннымъ къ поясу, своими пожитками, книгами, бумагами, всѣми своими драгоценностями. Я говорилъ одинъ, безпрестанно повторяя, что у китайцевъ очень большіе животы, такъ какъ они ѣдятъ слишкомъ много рису. Младшій механикъ слушалъ меня, покачивая головой, очень внимательный къ командѣ сверху.

Никто, какъ я вспоминаю сейчасъ, не смѣялся моимъ шуткамъ, которыя я пытался отпускать по поводу моего пустого желудка и набитыхъ китайскихъ.